

A fluffy, light-colored kitten is being held by a person's hand. The kitten is looking down and has its front paws extended. The background is a sandy beach with waves in the distance under a clear blue sky.

Анатолий Шигапов

Велес
Балтийский кот

Анатолий Шигапов
Велес Балтийский кот
Серия «ВЕЛЕС», книга 2

<https://litres.ru/73738742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Велес. Британский голубой кот, аристократ, охотник на воробьёв и главный специалист по мороженому в этой квартире. Мы с Иваном переехали в в другой город. Здесь новый дом, новое море, новая жизнь.

В этой части я расскажу, как я приручал умный дом, который оказался умнее казанского. Как я познакомился с новым Робби и доказал, кто здесь главный. Как мы ходили в парк, на пирс и на море. Как я учился не бояться волн, чаек и собак. Как я пережил первое мытьё, первую стрижку и первую рыбалку.

И ещё — как я понял, что дом — это не стены. Дом — это люди, которые рядом. Даже если один из них — кот.

Юмористический роман от первого лица. С участием умного дома, робота-пылесоса, Балтийского моря и большого количества сыра и мороженого

Анатолий Шигапов

Велес Балтийский кот

Посвящается

Любе, хозяйке со сметаной

Ты приходила, когда он уезжал. Ты пахла пирожками, и ты никогда не наступала мне на хвост. Ты называла меня «принц». Я вылизывал блюдце до блеска, а ты сидела рядом и вязала.

Теперь я живу у моря. Здесь другая жизнь, другой дом, и есть сыр. Но я помню твою сметану. Я помню тебя.

Твой Велес.

От автора, который не человек

Эту книгу написал я, Велес.

Британский голубой кот, потомственный аристократ, охотник на воробьёв, покоритель умных домов, главный специалист по мороженому в этой квартире и единственный, кто знает, где Иван прячет сыр. Человек, которого вы называете «Иван», всего лишь записывал. Плохо записывал, кстати. Вечно путал, где я сидел, как орал и сколько кусочков сыра мне дали. Пришлось переписывать половину глав и кусать его за палец. После третьего укуса он стал внимательнее.

Вы, наверное, думаете, что эта книга о коте. Ошибаетесь.

Эта книга о вас. О людях, которые уходят и возвращаются. Которые оставляют сметану в холодильнике и забывают закрыть дверь. Которые показывают кулак, но никогда не бьют. Которые называют тебя «боец», когда ты врзался в окно, пытаясь поймать воробья. Которые везут тебя за тридевять земель, потому что так надо, а потом стоят под душем, пока ты орёшь на весь дом, и улыбаются.

Я рассказал свою историю не потому, что она особенная. Таких котов, как я, тысячи. Мы живём в ваших домах, спим на ваших подушках, ждём вас у двери. Мы видим, как вы плачете по ночам, когда думаете, что мы спим. Как смеётесь, когда никто не видит. Как возвращаетесь уставшие и всё равно находите силы надеть перчатку и дать нам бой. Мы знаем вас лучше, чем вы сами. Потому что мы смотрим на вас снизу вверх, а вы на нас – сверху вниз. И только так можно увидеть всё, что скрыто.

Если вы прочитали эту книгу до конца – значит, вам не чужда кошачья мудрость. А она проста. Жди. Терпи. Верь. И иногда – вылизывай лапу, даже если всё вокруг рушится. Это помогает. Не спрашивайте почему. Просто попробуйте.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто сделал эту книгу возможной. Любу – за сметану и за то, что называла меня «принц». Ирину – за сыр и за то, что она ждала, когда я приму её. Друзей Ивана – за то, что терпели мой контроль территории. Робби – за то, что всегда выезжал покататься, даже когда был занят. Умный дом – за то, что запомнил моё

имя для робота-пылесоса. И, конечно, Ивана. Моего человека. Который пришёл в питомник, взял меня на руки и сказал: «Будет Велес». Который кормил меня не сухомяткой, а настоящей едой. Который показывал кулак, но никогда не бил. Который вёз меня через всю страну, прятал под курткой и давал мороженое даже в самые трудные дни. Который научил меня ждать.

Теперь я живу у моря. Здесь пахнет солью, а не пирожками. Здесь другой дом, другой сыр, другой ритуал. Но я помню. Помню нашу старую квартиру, балкон на семнадцатом этаже, воробьёв, которые дразнили меня. Помню, как мы ели мороженое на диване, как играли в перчатку, как я орал, а он смеялся. Помню Любу. Я помню всё. Потому что я – кот. А коты помнят.

Если когда-нибудь вам встретится кот, который смотрит на вас жёлтыми глазами и медленно моргает – знайте, он говорит вам «я тебя люблю». Если кот трётся об ваши ноги – он оставляет свой запах, чтобы другие знали: вы его. Если кот орёт, когда вы едите мороженое – он не просит, он требует. Потому что это его ритуал, и вы не смеете его нарушать.

А теперь я пойду. Иван уже открыл холодильник, пахнет мороженым. Ритуал ждёт. Ирина достаёт сыр. Скоро они сядут на диван, я лягу между ними, и умный дом включит тихую музыку. За окном будет шуметь море. И это будет правильно. Потому что дом – это не стены. Дом – это люди, которые рядом. Даже если один из них – кот.

*С уважением и лёгким шипением,
Велес, принц, лев, хвостик и просто кот.*

P.S. Если вы думаете, что это конец, – вы ошибаетесь. История вечна. Берегите своих котов. И не закрывайте дверь. Мы всё контролируем.

Глава 1. Коробка, машина и место с чужими запахами

То утро началось неоднозначно.

Я проснулся от того, что Иван ходил по квартире быстрее обычного. Не той медленной, тяжёлой походкой, которая была у него после того, как Люба ушла, а новой, собранной, деловой. Он открывал шкафы, закрывал, что-то доставал, перекладывал. Я лежал на кровати, щурился на свет, который пробивался сквозь жалюзи, и пытался понять, что происходит.

Пахло по-другому. Не так, как в обычные дни, когда он собирался на работу. В воздухе было что-то новое, тревожное, но в этой тревоге чувствовалось ожидание. Как перед дорогой. Только эта дорога была не похожа на те, когда он уезжал в командировки на месяц. Она была другой. Окончательной, что ли.

Я спрыгнул с кровати, потянулся, зевнул и пошёл на кухню. Иван стоял у холодильника, доставал продукты. На столе уже стояла моя миска, но еды в ней не было. Я сел рядом, посмотрел на него снизу вверх. Он не обращал внимания, продолжал что-то искать на полках.

– Сегодня едем, Велес, – сказал он наконец, оборачиваясь.
– В Калининград. Насовсем.

Я не понял слова «насовсем». Я знал, что он иногда уезжает и возвращается. Но в его голосе не было обещания вернуться. Он говорил так, будто мы уходим из этой квартиры навсегда. Я забеспокоился, подошёл к нему, ткнулся носом в ногу. Он наклонился, погладил меня.

– Не бойся, – сказал он. – Я с тобой. Мы вместе.

Я хотел верить. Но в его глазах я видел ту же тревогу, что чувствовал в воздухе.

Потом я увидел переноску.

Она стояла в коридоре, открытая, как огромная пасть зверя. Я замер. Переноска. Моя старая врагиня. Та, в которой меня трясло в машине, когда он вёз меня из питомника. Та, в которой я ездил к ветеринару, где меня кололи иглками. Я зашипел, отступил на два шага, прижал уши.

– Велес, – сказал Иван, заметив мою реакцию. – Не надо. Это ненадолго. Посидишь в переноске, потом сядем в машину, потом в самолёт, и всё.

Я не слушал. Я смотрел на переноску, и вся моя шерсть вставала дыбом. Нет. Ни за что. Я развернулся и побежал в спальню. Запрыгнул на шкаф – туда, где он не мог меня достать. Сел, выгнул спину, зашипел на всякий случай. Пусть знает.

Иван пришёл, посмотрел на меня снизу вверх.

– Слезай, – сказал он.

Я не слез. Я сидел на шкафу, смотрел на него, и всё моё тело говорило: нет. Не пойду. Не полезу. Не заставляй.

Он вздохнул, ушёл. Я думал, что он оставит меня в покое. Я думал, что, может быть, он передумает. Я ошибался.

Через десять минут он вернулся. В руке у него было что-то маленькое, белое, завёрнутое в бумагу. Я насторожился. Он развернул бумагу, и в воздухе поплыл знакомый, родной, предательский запах.

Мороженое.

Я дёрнул ухом. Он откусил вафлю. Я смотрел, как он жуёт, как облизывает мороженое, как белая масса тает у него на губах. Потом он отломил маленький кусочек вафли, провёл им по белому столбику, набирая мороженое, и протянул в мою сторону.

– Ну, иди, – сказал он. – Последнее мороженое в этой квартире.

Я смотрел на кусочек вафли с мороженым. Я смотрел на переноску, которая ждала в коридоре. Я боролся сам с собой. Мороженое пахло так, что у меня потекли слюнки. Но переноска... переноска была переноской. Она пахла страхом и предательством.

– Я не буду тебя обманывать, – сказал Иван. – Переноска нужна. Мы едем далеко. Сначала на машине, потом в аэропорт, потом на самолёте. Без переноски нельзя. Но после всего этого будет новый дом. И мороженое. Много мороженого. Обещаю.

Я смотрел на него. Он держал кусочек вафли, и его рука не двигалась. Он ждал. Я не выдержал. Голод и любовь к мороженому оказались сильнее страха. Я спрыгнул со шкафа, подбежал, слизал белую массу. Вафлю вернул. Он отломил ещё кусочек, опять набрал мороженого, протянул. Я слизал. Потом ещё. Потом ещё.

А потом он быстро схватил меня за шкурку.

Я зашипел, дёрнулся, выпустил когти, но было поздно. Он уже нёс меня в коридор, прижимая к груди, чтобы я не царапался. Я вырывался, извивался, но он держал крепко. Переноска была открыта. Он засунул меня внутрь, и дверца закрылась с тихим щелчком.

Я заорал. Я бил лапами по пластику, царапал, кусал, тряс прутья. Переноска качалась, но не открывалась. Он поставил её на пол и сел рядом.

– Тихо, – сказал он. – Всё будет хорошо.

Я не верил. Я сидел в переноске, злой, обиженный, преданный. Он выманил меня мороженым! Он использовал наш священный ритуал против меня! Это было подло. Это было нечестно. Я зашипел на него сквозь пластик, выпустил все когти.

– Я знаю, ты злишься, – сказал он, глядя на меня через прозрачную стенку. – Но по-другому было нельзя. Ты бы сам не залез. А нам нужно ехать.

Он был прав. Я бы не залез. Но это не делало его поступок правильным.

Я отвернулся, забился в угол переноски и решил больше никогда не смотреть на него. Пусть знает. Пусть мучается. Я – аристократ, меня нельзя так обманывать.

Он вздохнул, поднял переноску. Я почувствовал, как она качнулась, и мы поехали. Сначала лифт – я ненавидел лифт, эту металлическую коробку, которая двигается сама по себе, – потом подъезд, потом дверь, потом улица.

Я сидел в углу, смотрел в пол, но краем глаза видел мелькающие тени. Машины, дома, деревья. Всё, как в тот первый раз, когда он вёз меня из питомника. Только теперь я был не маленьким испуганным котёнком. Я был взрослым котом, потомственным аристократом, львом. Я не должен бояться. Я не должен пищать.

Но мне было страшно.

Переноску поставили на что-то твёрдое. Я услышал, как открылась дверца машины, как Иван сел на водительское место. Потом двигатель заурчал, и мы поехали.

Дорога была долгой. Я потерял счёт времени. Переноска стояла на заднем сиденье, и меня бросало из стороны в сторону на каждом повороте. Я пытался удержаться, цепляясь когтями за пластик, но всё равно скатывался в угол. Я закрыл глаза и постарался не думать о том, что будет дальше.

Иногда Иван останавливался. Я слышал, как он выходит, как открывает дверь, как говорит с кем-то. Потом машина ехала дальше. Один раз он открыл переноску, сунул руку внутрь, погладил меня. Я не отозвался. Я был зол. Он вздох-

нул, закрыл переноску.

– Долго ещё, – сказал он. – Потерпи.

Я терпел. Я терпел, как умел. Я вспоминал нашу квартиру, балкон, воробьёв, Робби, который ездил по коридору. Я вспоминал, как мы ели мороженое на диване, как играли в перчатку. Я вспоминал Любу, которая приносила сметану. Мне стало грустно. Я вдруг понял, что, может быть, больше никогда не увижу эту квартиру. Не увижу балкон, где прилетала ласточка. Не увижу дверь, за которой она выходила.

Я замер. Это было странное чувство – прощание с местом, которое было моим домом. Я вдыхал запах переноски, который смешивался с запахами машины, и понимал, что запах нашей квартиры исчезает. Остаётся только в памяти.

Машина остановилась в последний раз. Я услышал, как заглох двигатель, как открылась дверца. Потом переноску вытащили, и я увидел, что мы стоим около большого здания. Огромного. Стеклянного, прозрачного, внутри которого ходили люди. Много людей. Они двигались быстро, тащили за собой сумки на колёсиках, говорили громко, смеялись. Запахи были чужими – бензин, еда, духи, пластик, металл.

– Аэропорт, – сказал Иван, поднимая переноску. – Здесь сядем в самолёт.

Аэропорт. Я не знал, что это, но чувствовал, что это место, где люди прощаются. Я видел, как одни обнимались, другие махали руками, третьи уходили в стеклянные трубы и исчезали. Это место пахло дорогой и разлукой.

Иван нёс меня через огромный зал. Люди смотрели на переноску, некоторые улыбались, дети показывали пальцами. Я шипел на всех, кто подходил близко. Иван что-то говорил, показывал бумажки, которые он называл «билеты». Потом мы прошли через какие-то ворота, где мигали красные огни, и женщина в форме попросила поставить переноску на ленту.

– Не бойся, – сказал Иван, ставя меня на движущуюся дорожку. – Это просто проверка.

Я не понимал, что происходит. Лента двигалась, переноска ехала, и я вместе с ней. Я заорал. Я бил лапами по пластику, требовал, чтобы меня сняли. Иван шёл рядом, успокаивал, но не забирал. Потом переноска заехала в какую-то тёмную коробку, и я зажмурился от страха. Через секунду она выехала с другой стороны, и Иван снова взял её.

– Всё, – сказал он. – Молодец.

Я не был молодцом. Я был перепуганным котом, которого таскают по чужому страшному месту, и я не понимал, зачем всё это.

Мы сели в зал, где было много кресел и огромные окна. За окнами я увидел самолёты – большие, белые, с крыльями. Они стояли на бетонной площадке, и некоторые из них двигались, гудели, выезжали на дорожку. Я смотрел на них и не понимал, как эта железяка может летать. Это было выше моего понимания.

– Скоро наш рейс, – сказал Иван, садясь в кресло и ставя

переноску на колени. – Потерпи ещё немного.

Я сидел в переноске, смотрел на самолёты, и внутри меня всё сжималось. Я вспомнил, как в первый раз ехал в машине, как тряслось, как я пищал, и он вытащил меня, сунул под куртку. Сейчас он не мог меня вытащить – вокруг были чужие люди, чужие запахи, чужое место. Я был один в своей пластиковой тюрьме.

– Хочешь, открою? – спросил он.

Я замер. Откроет? Здесь?

Он открыл дверцу переноски. Я не выходил. Я сидел внутри, смотрел на него, на чужие кресла вокруг, на людей, которые сидели рядом и читали книги или смотрели в телефоны. Страх держал меня внутри.

– Иди сюда, – сказал Иван, протягивая руку.

Я не двинулся.

Он вздохнул, засунул руку в переноску, взял меня и вытащил. Я вцепился в него, как в перчатку, выпустил все когти. Он охнул, но не отстранил. Прижал меня к груди, и я почувствовал его сердце. Оно билось быстрее, чем обычно.

– Тихо, – сказал он. – Я здесь. Я с тобой.

Я зарылся мордой в его куртку. В ней пахло домом. Нашим домом. Теми стенами, которые мы покинули. Теми днями, которые остались в прошлом. Я вдыхал этот запах и старался не думать о том, что будет дальше.

Мы сидели так долго. Я не смотрел по сторонам. Я чувствовал его тепло, его дыхание, его руки, которые гладили

меня по спине. Иногда мимо проходили люди, некоторые смотрели, улыбались, но я не обращал внимания. Я был с ним. Это было главное.

Потом объявили что-то по громкой связи. Иван встал, посадил меня обратно в переноску. Я не сопротивлялся. Я был слишком уставшим, чтобы сопротивляться. Он закрыл дверцу, поднял переноску и понёс меня куда-то.

– На посадку, – сказал он. – Сейчас сядем в самолёт.

Я не знал, что значит «посадка». Я знал только, что мы идём к одному из тех белых гигантов, которые стояли за стеклом. Мы прошли через длинный коридор, потом оказались внутри. Я почувствовал, как запахи изменились – стало тесно, душно, пахло металлом и чужими людьми. Переноску поставили рядом с креслом, и Иван сел рядом.

– Всё, – сказал он. – Мы в самолёте. Скоро полетим.

Я смотрел на него сквозь пластик. Он выглядел уставшим, но спокойным. Он посмотрел на меня, улыбнулся.

– Ты молодец, Велес. Выдержал.

Я не выдержал. Я просто вцепился в него, когда он меня вытащил, и не отпускал. Но он, кажется, считал это подвигом.

Самолёт начал двигаться. Я почувствовал лёгкий толчок, потом вибрацию, которая стала сильнее. Я вцепился когтями в дно переноски. Иван открыл дверцу, засунул руку внутрь, положил её на меня. Я прижался к его ладони, чувствуя тепло, и мне стало чуть легче.

Гул нарастал. Самолёт разгонялся, трясся, и я думал, что это никогда не кончится. А потом тряска прекратилась. Гул стал тише, ровнее. Мы оторвались от земли.

Я открыл глаза. Иван смотрел на меня.

– Мы летим, – сказал он. – Всё позади. Я не знал, что значит «всё позади». Что мы летим куда-то, где всё будет по-другому.

Я зажмурился и постарался заснуть.

Глава 2. Как я летел самолётом

Самолёт оторвался от земли, и я понял, что назад дороги нет.

Я сидел в переноске, прижавшись к её стенке, и чувствовал, как подо мной что-то гудит, вибрирует, живёт своей огромной железной жизнью. Иван открыл дверцу, засунул руку внутрь, и я вцепился в неё, как в последнюю надежду. Его пальцы гладили мою спину, но это не помогало. Ничего не помогало.

Сначала был этот момент – когда самолёт отрывается от земли. Я не знал, что так бывает. Я думал, что машины ездят по земле, а поезда – по рельсам, а самолёты... я не знал, что они делают. Теперь я знал. Они взлетают. Они поднимаются в воздух, и земля уходит из-под лап, и ты висишь в пустоте, и только гул мотора говорит тебе, что ты ещё не упал.

Я зажмурился. Я не хотел видеть, как мир уходит вниз. Я не хотел знать, что там, за тонкой стенкой переноски, нет

ничего, кроме неба. Я вцепился в руку Ивана и постарался не думать.

– Всё хорошо, – сказал он. – Мы уже летим.

Я открыл глаза. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то успокаивающее. Или он просто старался, чтобы я не видел его страха. Я чувствовал, что ему тоже страшно. Его сердце билось быстрее, чем обычно, и дыхание было неровным. Но он держался. Ради меня. Или ради себя. Я не знал.

Самолёт набрал высоту. Гул стал ровным, монотонным, как у Робби, когда он ездил по коридору, только в сто раз громче. В салоне зажёгся свет, и стюардессы начали ходить между креслами. Они улыбались, что-то спрашивали, раздавали еду. Запахи поплыли по салону – кофе, булочки, горячее мясо, какой-то сладкий десерт. Мой желудок предательски заурчал.

– Хочешь есть? – спросил Иван, заметив мой взгляд.

Я хотел. Но я не мог. В переноске было тесно, вокруг было страшно, и я не понимал, как можно есть в таком месте. Я отвернулся.

Он вздохнул, достал из сумки маленький контейнер, открыл. Пахнуло курицей. Моей курицей, которую он нарезал дома, ещё в той, нашей квартире. Запах был родным, знакомым, и я не выдержал. Я потянулся к его руке, взял кусочек, съел. Потом ещё. Потом ещё.

– Молодец, – сказал он. – Ешь. Силы нужны.

Я съел всё, что он дал. Потом напился воды из малень-

кой бутылочки, которую он держал у моей морды. Мне стало чуть легче. Не намного, но чуть.

А потом началось самое страшное.

Я почувствовал, как уши закладывает. Сначала я не понял, что происходит. Просто звуки стали глухими, приглушёнными, как будто я оказался под водой. Я потряс головой, но ничего не изменилось. Потом появилось давление. Оно нарастало медленно, но уверенно, давило на уши, на голову, на всё тело. Я забеспокоился, начал вертеть головой, тереться о стенки переноски.

– Что, закладывает? – спросил Иван.

Я не ответил. Я не мог. Давление становилось сильнее. Я открыл рот, попытался зевнуть, как делал иногда, когда уши чесались. Не помогло. Я начал сглатывать – тоже не помогло. Давление росло, и я чувствовал, как оно сжимает мою голову, как будто кто-то надел на меня тесный шлем и затягивает.

Я заорал. Я орал от боли, от страха, от того, что не понимал, что со мной происходит. Иван открыл переноску, вытащил меня, прижал к груди.

– Тише, тише, – сказал он. – Это давление. Самолёт набирает высоту. Сейчас пройдёт.

Я не верил. Я вцепился в него, зарылся мордой в его куртку, зажмурился. Давление давило, уши болели, и я думал, что это никогда не кончится.

А потом оно кончилось. Внезапно, как будто кто-то щёлкнул пальцами. Давление отпустило, уши прочистились, и я

снова услышал ровный гул самолёта. Я облегчённо вздохнул, открыл глаза.

– Видишь? – сказал Иван, глядя меня. – Прошло.

Я посмотрел на него. Его лицо было бледным, и я понял, что ему тоже было больно. Но он не орал. Он терпел. Ради меня. Или потому, что люди умеют терпеть лучше, чем коты. Я не знал.

– Посиди у меня, – сказал он. – В переноске тесно. А здесь лучше.

Я не возражал. Я сидел у него на коленях, прижавшись к животу, и смотрел в маленькое окно рядом с нами. Там, за стеклом, было небо. Синее, бесконечное, без единого облака. А внизу, далеко-далеко, я видел землю. Она была маленькой, как игрушечная. Дороги были тонкими ниточками, дома – крошечными кубиками, реки – блестящими ленточками. Я смотрел на этот незнакомый мир и не узнавал его.

– Это облака, – сказал Иван, показывая на белые пушистые массы, которые проплывали под нами. – Мы летим выше них.

Выше облаков. Я не знал, что так бывает. Я думал, облака – это потолок мира. Оказывается, нет. За ними есть ещё что-то. Ещё больше неба. Ещё больше пустоты.

Я вдруг почувствовал себя очень маленьким. Маленьким и беспомощным, как в тот первый раз, когда меня везли из питомника. Тогда я был котёнком, и мир был огромен. Теперь я был взрослым котом, но мир оказался ещё больше.

Гораздо больше.

Иван гладил меня, и я мурлыкал. Не потому, что мне было хорошо, а потому, что хотел успокоить себя. Мурлыканье помогало. Оно напоминало мне о доме, о диване, о мороженом, о тех вечерах, когда мы сидели на балконе и смотрели на закат. Всё это осталось там, внизу. А здесь, наверху, был только страх и гул мотора.

Самолёт летел дальше. Я начал привыкать к гулу, к вибрации, к тому, что вокруг чужие люди, чужие запахи. Я даже начал различать эти запахи. Рядом с нами сидела женщина с резкими духами – я чихнул, когда она проходила мимо. Сзади кто-то ел бутерброд с колбасой – запах был сильным, но неаппетитным. Где-то впереди плакал ребёнок, и этот плач напоминал мне моих братьев и сестёр, которые пищали, когда их забирали из питомника.

Я прижался к Ивану, закрыл глаза. Он накинул на меня край своей куртки, и я оказался в темноте, в тепле, в его запахе. Здесь было почти как дома. Почти.

– Поспи, – сказал он. – Три с половиной часа ещё лететь. Успеешь выспаться.

Три с половиной часа. Я не знал, сколько это. Но чувствовал, что много. Очень много.

Я попробовал уснуть. Не получалось. Гул самолёта мешал, чужие запахи мешали, давление в ушах возвращалось каждый раз, когда самолёт менял высоту. Я зевал, сглатывал, тряс головой, но боль приходила снова и снова. Иван давал

мне воду, гладил, говорил что-то успокаивающее. Но это не помогало.

Я начал считать время по тому, как менялось освещение в салоне. Сначала было светло – дневной свет пробивался сквозь облака. Потом стюардессы выключили верхний свет, оставив только маленькие лампочки над креслами. Стало темно, и люди вокруг начали засыпать. Я слышал их дыхание – ровное, спокойное. Они спали. А я не мог.

Я лежал на коленях у Ивана, смотрел в окно и видел, как небо меняет цвет. Из синего стало розовым, потом оранжевым, потом тёмно-синим, почти чёрным. А внизу, где-то далеко, загорались огни. Маленькие, жёлтые, они светились в темноте, как светлячки. Я смотрел на них и думал, что, может быть, где-то там, внизу, наша новая квартира. Или та, что осталась. Или ничья.

– Скоро будем, – сказал Иван, заметив, что я смотрю. – Уже снижаемся.

Снижаемся. Я почувствовал, как самолёт наклонился, и внутри меня что-то перевернулось. Давление снова навалилось на уши, на голову, на всё тело. Я зажмурился, вцепился в Ивана. Боль была сильнее, чем при взлёте. Я заорал. Я не мог сдержаться. Мой крик, наверное, разбудил полсамолёта, но мне было всё равно.

– Терпи, терпи, – говорил Иван, глядя меня. – Уже скоро. Я терпел. Я терпел, как умел. Я вспоминал, как терпел, когда он уезжал на месяц. Как терпел, когда ушла Люба. Как

терпел, когда Юра кормил меня, а я не хотел есть. Я умею терпеть. Я – лев.

Самолёт снижался. Я чувствовал, как земля приближается, как гул мотора меняется, становится тише. За окном замелькали огни – много огней, целое море жёлтых, белых, красных точек. Я не понимал, что это, но это было красиво. Даже страшно было красиво.

Потом колёса коснулись земли.

Я почувствовал удар, потом ещё один, потом самолёт затрясся, загудел, и я испугался, что мы разобьёмся. Но Иван гладил меня и говорил: «Всё, прилетели. Мы на месте». Тряска стала тише, гул стих. Самолёт остановился.

Я открыл глаза. За окном был город. Не наш. Чужой. С другими домами, другими огнями, другим небом. Я смотрел на него и не узнавал.

– Калининград, – сказал Иван. – Наш новый дом.

Он посадил меня в переноску, закрыл дверцу. Я не сопротивлялся. Я был слишком измотан, чтобы сопротивляться. Он поднял переноску, и мы пошли к выходу.

Я сидел в своей пластиковой коробке, смотрел на чужой город, и думал о том, что где-то там, далеко, осталась наша квартира. Балкон, где прилетала ласточка. Диван, который я драл когтями. Кухня, где мы ели мороженое. Люба, которая приносила сметану.

Всё это осталось там. А здесь – ничего. Пока ничего.

Но Иван был рядом. Я слышал его шаги, его дыхание, его

голос, когда он говорил с кем-то. Я чувствовал его запах – усталый, но живой. И этого было достаточно. Этого было достаточно, чтобы не бояться.

Мы вышли из самолёта. Я почувствовал, как воздух изменился. Он был другим – влажным, свежим, с запахом соли и ветра. Я втянул его носом и не узнал. Ничего не узнал.

– Это море, – сказал Иван, когда мы вышли на улицу. – Оно рядом. Скоро увидишь.

Море. Я не знал, что это. Но в его голосе было что-то новое – надежда, что ли. Или обещание.

Я закрыл глаза. Переноска качалась, и я качался вместе с ней. Я был уставшим, голодным, напуганным. Но я был с ним. И это было главное.

Глава 3. Дорога из аэропорта

Мы вышли из здания аэропорта, и я вдохнул новый воздух.

Он был другим. Не таким, как в Казани. Там, дома, воздух был сухим, колючим зимой и горячим летом. Здесь он был мягким, влажным, он обволакивал меня, как тёплое одеяло. Я втянул его носом, и в нём было столько всего! Соль – я никогда не чувствовал запаха соли, но теперь знал, что это она. Ветер – он дул откуда-то издалека, принося с собой запахи водорослей, сырой земли, чего-то ещё, чему у меня не было названия. Было тепло. Не жарко, как в казанское лето, а по-особенному тепло – мягко, уютно, как будто сама погода го-

ворила: «Не бойся, здесь хорошо».

Я втянул воздух ещё раз. В нём не было знакомых запахов – ни бензина с нашей парковки, ни пирожков из соседнего дома, ни той особенной сухости, которая была в Казани даже в дождливые дни. Здесь всё было новым. Чистым. Незнакомым.

– Ну как, Велес? – спросил Иван, поднимая переноску. – Нравится?

Я не ответил. Я смотрел на небо. Оно было низким, серым, с тяжёлыми облаками, которые двигались медленно, как живые. В Казани небо было высоким, синим, иногда белым от мороза. Здесь оно было другим – ближе, что ли. И ветер. Он дул всё время, не переставая, шевелил мою шерсть даже сквозь переноску.

Иван пошёл через парковку. Я смотрел на машины – их было много, но они были другими. Не теми, к которым я привык во дворе нашей казанской квартиры. Здесь были машины с другими номерами, другие марки, и все они пахли по-своему. Я вдыхал эти запахи, пытаюсь разобрать, что к чему. Бензин, конечно, был. Но ещё была соль, и ещё был какой-то сладковатый запах, который я не узнавал. Может быть, цветы. Или что-то другое.

– Наша, – сказал Иван, останавливаясь около синей машины.

Она была яркой, блестящей, с чистым кузовом. Не такой, как наша старая, которую я иногда видел во дворе. Эта была

новой, гладкой, и она пахла по-другому. Иван открыл дверцу, поставил переноску на заднее сиденье. Я огляделся.

Машина пахла Иваном – его запах был везде, на сиденьях, на руле, в воздухе. Он уже успел оставить здесь свой след, и это немного успокаивало. Но были и другие запахи. Новые. Кожа – мягкая, тёплая, незнакомая. Какой-то освежитель – резкий, хвойный, он щипал нос, и я чихнул. Иван обернулся.

– Не нравится? Я уберу.

Он достал освежитель, выбросил в багажник. Я вдохнул. Стало легче. Запах кожи остался, но теперь он смешивался с запахом Ивана, и это было терпимо. И ещё что-то... море. Запах моря проник и сюда, сквозь закрытые окна, смешиваясь с запахами машины. Он был везде. Он был в этом городе главным.

Иван сел за руль, завёл двигатель. Я вздрогнул от знакомого урчания, но оно было другим – тише, мягче, чем у нашей старой машины. Или мне просто казалось. Всё здесь казалось другим.

– Поехали, – сказал он, и мы тронулись.

Я сидел в переноске, смотрел в окно и не узнавал ничего. Дорога была широкой, с большими развязками, с указателями, на которых были названия, которых я никогда не слышал. Машины ехали ровно, спокойно, без той суеты, которая была на казанских дорогах. Или мне просто казалось.

За окном проплывали дома. Они были не такими, как в Казани. Ниже, старее, с черепичными крышами и узкими ок-

нами. Но были и новые – стеклянные, высокие, современные. Город смешивал старое и новое, как будто не мог решить, кем ему быть.

Я смотрел на всё это и чувствовал, как внутри меня разрастается тоска по тому, что осталось. По нашему двору, по воробьям на карнизе, по балкону на семнадцатом этаже, где мы сидели с Иваном и ели мороженое. По Любе, которая приносила сметану. По всему тому, что я знал.

– Это Калининград, – сказал Иван, заметив, что я смотрю. – Теперь наш город.

Наш город. Я не понимал, как город может стать нашим. Город – это не квартира. Город – это улицы, дома, люди. Как он может стать нашим?

Иван включил музыку. Тихо, чтобы не пугать меня. Из динамиков полилась какая-то спокойная мелодия, и я немного расслабился. Я смотрел на мелькающие за окном дома, деревья, огни, и постепенно перестал вздрагивать на каждом повороте.

Мы выехали на широкую улицу. Здесь было много машин, светофоров, людей. Я смотрел на них и думал: они живут здесь. Они знают эти дома, эти улицы, этот воздух. А я не знаю. Я ничего здесь не знаю.

– Скоро приедем, – сказал Иван. – Дом новый, высокий. Двенадцать этажей. Мы на одиннадцатом.

Двенадцать этажей. На одиннадцатом. Я не понимал, что это значит. Я знал только, что наш дом в Казани был семна-

дцатиэтажным, и мы жили высоко. На одиннадцатом – это ниже или выше? Я не умел считать. Я знал только, что это другое.

Запах соли стал сильнее. Я втянул носом воздух, и в нём было что-то ещё – водоросли, мокрая трава, свежесть. Я не знал этих запахов, но они были приятными. Не такими пугающими, как запах больницы или чужих людей.

– Море близко, – сказал Иван. – Видишь? – он показал рукой в окно.

Я посмотрел. Там, за домами, было что-то большое, тёмное. Я не видел его, но чувствовал. Оно было там, ждало.

Мы свернули на улицу, которая была шире других. Здесь росли высокие деревья, их ветви сплетались над дорогой, создавая зелёный тоннель. Я смотрел на них, и они напоминали мне деревья в парке возле нашего казанского дома. Но эти были другими – выше, гуще, с более тёмной листвой. И пахли они по-другому.

– Это парк, – сказал Иван. – Рядом с нашим домом.

Парк. Я знал, что такое парк. В Казани я видел его из окна – зелёное пятно среди серых домов. Но я никогда не был в нём. Иван не выводил меня гулять после того раза с пуховиком. Я не хотел гулять. Мне хватало балкона.

Мы выехали из зелёного тоннеля, и я увидел дома. Они были новыми. Высокими, стеклянными, с балконами, на которых стояли цветы. Не такими, как наш старый дом в Казани. Другими. Светлыми, чистыми, современными.

– Наш – вон тот, – сказал Иван, показывая на высокое здание.

Я посмотрел. Дом был высоким – двенадцать этажей, как он и говорил. Он был серым, с большими окнами и балконами. Не таким, как наш старый дом, но тоже красивым. Я втянул носом воздух. Здесь пахло деревьями, цветами, и всё тем же морем.

Иван заехал на парковку. Машина остановилась, двигатель заглох. Тишина наступила такая, что я услышал своё сердцебиение. Мы были на месте. Дорога закончилась.

– Приехали, – сказал Иван. – Это наш дом.

Он вышел, открыл заднюю дверь, взял переноску. Я сидел внутри, смотрел на этот новый дом, и внутри меня всё сжималось. Я не знал, что нас ждёт. Я не знал, какая будет квартира. Я не знал, будет ли там балкон, и будут ли воробьи, и будет ли умный дом, который я смогу приручить. Я не знал ничего.

– Не бойся, – сказал Иван, поднимая переноску. – Мы вместе.

Он пошёл к подъезду. Я смотрел на новый дом, на его стеклянные двери, на клумбы с цветами, на деревья, которые росли вдоль дорожки. Всё было чистым, ухоженным, незнакомым.

Мы вошли в подъезд. Здесь пахло краской, чистотой и чем-то ещё – может быть, новыми коврами или мебелью. Не так, как в нашем старом подъезде, где пахло соседскими кот-

летами и пылью. Здесь было по-другому. Стерильно. Чисто. Пусто.

Иван подошёл к лифту, нажал кнопку. Двери открылись, мы зашли. Я смотрел на кнопки – их было много, двенадцать, как этажей. Иван нажал на одиннадцатую. Лифт дёрнулся и поехал вверх.

Я зажмурился. Лифт я не любил всегда – эту железную коробку, которая двигается сама по себе, без лап, без колёс. Но этот лифт был другим. Он ехал плавно, бесшумно, не так, как наш старый, который трясся и скрипел. Я открыл глаза.

– Почти приехали, – сказал Иван.

Лифт остановился. Двери открылись. Мы вышли в коридор. Он был светлым, чистым, с коврами на полу. Дверей было немного – две на этаже. Иван подошёл к одной из них, достал ключи.

Я смотрел на эту дверь, и внутри меня всё замерло. За ней была новая жизнь. Новая квартира. Новый дом. Всё новое.

Ключ повернулся в замке. Дверь открылась.

Глава 4. Новый дом

Иван поставил переноску на пол и открыл дверцу.

Я не выходил. Я сидел внутри, смотрел на эту новую квартиру и не узнавал её. Она была другой. Не нашей. Здесь пахло краской, деревом, чем-то старым и новым одновременно. Я втянул носом воздух, пытаясь найти в нём хоть что-то знакомое. Ничего.

Я вылетел из переноски как пуля.

Я не помнил, как это произошло. Одна секунда – я сидел в переноске, боялся выйти. Следующая – я уже бежал. Лапы скользили по гладкому полу, я врезался в угол, отскочил, побежал дальше. Я не знал, куда я бегу. Я просто бежал. Страх гнал меня вперёд, заставлял искать укрытие, тёмное, тесное, безопасное место.

Всё было другим. Комнаты были не такими – выше, светлее, с огромными окнами, в которые лился яркий, почти белый свет. В Казани у нас были жалюзи, умный дом, который приглушал солнце по моей команде. Здесь не было жалюзи. Свет был везде. Он заливал коридоры, комнаты, кухню. Он слепил меня, путал, заставлял метаться.

Я влетел в гостиную. Она была огромной. Гораздо больше, чем наша в Казани. Пол был гладким, светлым, на нём не было ковров, в которых можно было спрятаться. Мебель была новой – диван, кресла, столик. Всё чужое, незнакомое. Я заметил диван. Большой, тёмный, с низкими ножками. Под ним была щель. Я рванул туда.

Я забился под диван. Вжался в пол, прижал уши, закрыл глаза. Здесь было темно. Здесь пахло пылью и новой тканью. Здесь не было света, который слепил меня, не было этих огромных окон, не было этого чужого пространства.

Я дрожал. Всё моё тело дрожало. Я не понимал, где я. Что это за место? Где наша квартира? Где стены, которые я знал? Где балкон, на котором мы сидели и ели мороженое? Где за-

пах Любы?

Я втянул носом воздух. Здесь пахло Иваном. Я узнал этот запах. Он был здесь, в этой чужой квартире. Но он был другим. Не таким, как в Казани. Там он смешивался с запахами дома – нашей мебели, наших вещей, нашей жизни. Здесь он был чистым, новым, незнакомым. Как будто сам Иван стал другим. Как будто его запах ещё не успел пропитать эти стены, не успел сделать их своими.

Я зарычал. Я не мог остановиться. Рычание вырывалось из меня само, глухое, низкое. Я не хотел здесь быть. Я хотел домой. Я хотел в нашу квартиру, на семнадцатый этаж, с умным домом, который я приручил, и Робби, с балконом, где прилетала ласточка, с кухней, где мы ели мороженое. Я хотел к Любе. Я хотел, чтобы всё было как раньше.

– Велес? – голос Ивана был рядом. – Ты где?

Я не ответил. Я забился глубже под диван, прижался к стене. Пусть не находит. Пусть оставит меня здесь. Я не хочу выходить.

– Велес, – он опустился на колени, заглянул под диван. Я видел его лицо – встревоженное, усталое. – Ты там?

Я зашипел. Он отодвинулся, но не ушёл.

– Я понимаю, тебе страшно, – сказал он. – Мне тоже. Это новый дом. Мы здесь никого не знаем. Но это наш дом. Наш.

Я не верил. Это не могло быть нашим. У нас уже был дом. Там, в Казани. С нашими запахами, нашими ритуалами, нашей жизнью. А здесь ничего не было.

– Ты хочешь выйти? – спросил он. – Я принесу еду. Или воду. Или мороженое.

Мороженое. Я дёрнул ухом. Мороженое было нашим ритуалом. Но здесь, в этом чужом месте, мороженое не могло быть таким же. Ничего не могло быть таким же.

Я отвернулся, уткнулся носом в пол. Пол пах краской и деревом. Чужим деревом. Не нашим.

Иван вздохнул. Я слышал, как он встал, как отошёл. Потом я услышал звуки на кухне – открылся холодильник, звякнула посуда. Пахнуло курицей. Моей курицей, которую он нарезал ещё в Казани. Я узнал этот запах. Он был родным.

Иван вернулся, поставил миску у дивана.

– Ешь, – сказал он. – Ты голодный.

Я не двигался. Я слышал запах курицы, и мой желудок урчал, но я не мог выйти. Не сейчас. Не здесь.

– Я оставлю здесь, – сказал он. – Когда захочешь – выйдешь.

Он отошёл. Я слышал, как он ходит по квартире, открывает шкафы, что-то раскладывает. Потом шаги стихли. Он ушёл в спальню.

Я сидел под диваном и слушал. Квартира была тихой. Не такой, как наша в Казани, где гудел умный дом, где Робби ездил по коридору, где соседи сверху ходили и слышно было, как работает лифт. Здесь было тихо. Слишком тихо.

Но я ошибался.

Тишина длилась недолго. Я услышал звук – тихий, жуж-

жащий, и он шёл откуда-то из глубины квартиры. Я навоострил уши. Этот звук я знал. Это был робот-пылесос. Но он был другим – громче, мощнее, чем Робби. Я замер.

Из коридора выехала круглая чёрная штука. Она была больше Робби. Гораздо больше. И она двигалась быстрее, увереннее, как будто знала, куда ехать. Она не стучалась о стены, как Робби, а объезжала их, подстраивалась, рассчитывала траекторию. Я зашипел.

Штука подъехала к дивану, остановилась. Я вжался в пол, готовясь к атаке. Но она не двинулась. Она постояла, будто принохиваясь, потом развернулась и уехала в другую комнату. Я выдохнул. Но расслабляться было рано.

В гостиной зажёгся свет.

Я подпрыгнул от неожиданности. Свет зажёгся сам. Как в Казани. Я поднял голову, посмотрел на потолок. Там были датчики – такие же, как дома, но их было больше. Гораздо больше. Они смотрели на меня маленькими красными глазами, и я чувствовал, что они видят меня. Даже здесь, под диваном, в темноте. Они знали, где я.

Я зарычал. Умный дом. Он был здесь. Он был умнее, чем в Казани. Я чувствовал это. Он не просто включал свет и двигал жалюзи. Он следил. Он управлял всем.

Потом я услышал голос. Не Ивана. Не человеческий. Металлический, ровный, он шёл откуда-то из стены.

– Добро пожаловать домой, – сказал голос. – Система активирована. Режим «Кот» включён.

Я замер. Режим «Кот»? Что это значит? Голос замолк, но я чувствовал, что он слушает. Что он ждёт. Что он знает обо мне всё.

Свет в гостиной стал мягче. Не такой яркий, как вначале. Он приглушился сам, без моей команды, без лапы на выключателе. Умный дом знал, что я прячусь. Он знал, что мне нужно темно.

Я перестал рычать. Я сидел под диваном, смотрел на датчики в потолке и чувствовал, что этот дом – не просто стены и мебель. Он жил. Он дышал. Он был умнее того, к которому я привык.

В коридоре снова зажужжал робот-пылесос. Я выглянул из-под дивана. Он был больше Робби. И он не просто ездил по прямой, утыкаясь в стены. Он объезжал препятствия, заглядывал под мебель, возвращался на базу, когда чувствовал, что нуждается в зарядке. Он был... умнее. Как весь этот дом.

Я слышал, как Иван ходит по спальне, раскладывает вещи. Он не боялся этого дома. Он знал его. Он настроил его. Для нас.

Я втянул носом воздух. Пахло Иваном. Пахло новым домом. Пахло чем-то ещё – свежестью, чистотой, и тем особым запахом, который бывает только в новых местах. Запахом начала.

Я сделал шаг. Потом другой. Я высунул морду из-под дивана. Свет был мягким, не слепил. Робот-пылесос уехал на

базу и затих. Умный дом молчал.

Я подошёл к миске, поел. Курица была вкусной, родной. Я напился воды. Она пахла по-другому, но была свежей.

Я прошёлся по гостиной. Она была большой, светлой. Окна выходили на улицу, внизу горели фонари, ехали машины. Чужие машины, чужая улица. Но за окнами не было жалюзи. Вместо них – плотные шторы, которые могли опускаться сами. Я посмотрел на датчик на стене. Он мигнул красным, и шторы медленно поползли вниз. Я отступил. Умный дом слушался меня? Или он просто делал то, что запрограммирован?

Я подошёл к окну, встал на задние лапы. За шторами было темно. Я не видел города. Только отражение себя в стекле – серого кота с жёлтыми глазами, который смотрел на меня из темноты.

– Нравится? – спросил Иван, входя в гостиную.

Я обернулся. Он стоял в дверях, смотрел на меня. Я не знал, что ответить. Нравится? Я не знал. Всё было чужим. Но в этой чужости было что-то... спокойное. Как будто дом знал, что мы пришли, и ждал нас.

– Здесь тоже умный дом, – сказал Иван, подходя ко мне. – Умнее, чем в Казани. Я сам его настраивал. Он будет включать свет, когда ты ходишь, опускать шторы, когда темнеет, следить за температурой. И робот-пылесос здесь есть. Больше, чем Робби. Я назвал его... – он задумался, – не знаю. Как хочешь?

Я посмотрел на него. Он предлагал мне назвать нового робота? Как в Казани, когда я выбрал Робби? Я не знал. Я не был готов.

– Ладно, – сказал он. – Потом придумаешь.

Он сел на диван, похлопал по месту рядом. Я запрыгнул. Диван был мягким, новым, пах кожей и тканью. Не нашим. Но Иван был рядом, и это было главным.

– Мы справимся, – сказал он, глядя меня. – Как всегда.

Я мурлыкал. Я смотрел на новый дом, на датчики в потолке, на шторы, которые закрывали окна, и думал о том, что, может быть, этот дом когда-нибудь станет нашим. Может быть, я привыкну к его запахам, к его свету, к его умному голосу. Может быть, я научусь управлять им, как управлял тем, в Казани.

А может, и нет. Но Иван был рядом. И это было главным.

Я закрыл глаза. Умный дом приглушил свет. Шторы замерли. Робот-пылесос спал на своей базе. Новый дом затих, прислушиваясь к нам.

Я уснул, и мне ничего не снилось.

Глава 5. Первый день в новом доме

Иван ушёл в спальню, и я остался один в гостиной.

Я сидел на новом диване, смотрел на закрытую дверь и слушал, как он там ходит, что-то раскладывает, открывает шкафы. Звуки были глухими, приглушёнными, не такими, как в Казани. Там я слышал каждый его шаг, каждый скрип

половицы, каждое движение. Здесь всё было новым, неизвестным, и звуки были другими.

Я спрыгнул с дивана. Пора было осваиваться.

Я начал с гостиной. Она была большой, очень большой, гораздо больше, чем наша в Казани. Стены были светло-серыми, почти белыми, но с холодным, стальным оттенком. Они не грели. Они не пахли жизнью. Они просто были.

Диван стоял у стены, огромный, мягкий, из ткани. Не кожаный, а из какой-то плотной, приятной на ощупь материи. Я потрогал его лапой – ткань пружинила, пахло чем-то новым, фабричным, но не противным. Диван был шире и длиннее нашего старого, на нём можно было растянуться во всю длину, и места ещё оставалось. Я запрыгнул, прошёлся по подушкам. Мягко. Хорошо. Но не наше.

На стене напротив дивана висел телевизор. Огромный, плоский, чёрный. Я подошёл, встал на задние лапы, передними упёрся в стену. Телевизор был больше, чем в Казани, и пах он по-другому – пластиком, электроникой, чем-то холодным. Под телевизором стояла чёрная штука, плоская, с какими-то кнопками. Я понюхал её – пахло металлом и пылью. Позже я узнал, что это камин. Но тогда я просто не понял, что это.

Дальше был стол. Огромный стол. Такого я никогда не видел. Он занимал половину комнаты, тёмный, тяжёлый, с массивными ножками. Вокруг него стояли шесть стульев – высоких, с мягкими сиденьями. Я запрыгнул на один, потом на

другой. Стол был как кухня и зал одновременно. Я не понимал, как это, но здесь, в этой квартире, всё было по-другому.

Кухня была частью гостиной. Не отдельной комнатой, как в Казани, а просто продолжала её. Гарнитур стоял вдоль стены, и он был огромным. В два раза больше, чем в нашей старой квартире. Шкафчики до потолка, техника встроенная, блестящая. Всё было чёрным. Чёрные фасады, чёрные ручки, чёрная столешница. Я подошёл, понюхал. Пахло деревом, лаком, чем-то новым. Чёрный цвет был везде – на ручках, на розетках, на батареях. Он смотрел на меня из каждого угла, холодный, гладкий, чужой.

Моя миска стояла на полу, в углу, рядом с поилкой. Я подошёл, понюхал. Миска была моей, старой, из Казани. Я облизал её край – пахло курицей. Хорошо. Хоть что-то родное.

Я обошёл кухню, проверил каждый угол. Под столом, за стульями, у батареи. Всё было чужим, но я запоминал. Я запоминал каждый запах, каждый предмет, каждую щель. Это была моя новая территория, и я должен был знать её.

Пол был деревянным по цвету. Тёплым, золотистым, как в старых домах. Но когда я ступил на него, он оказался холодным. Твёрдым, гладким, без единой щели. Я выпустил когти, попробовал вцепиться – не получалось. Когти скользили. Я пошёл медленнее, осторожно ступая. Позже я узнал, что это был камень. Камень, который сделали похожим на дерево. Но он не был деревом. Он был холодным, чужим, не нашим.

Свет был везде.

Я заметил это не сразу, но чем дольше я ходил по квартире, тем больше понимал: здесь не было тёмных углов. Свет проникал всюду. Сверху – встроенные лампы в потолке, ровные, белые. Снизу – подсветка вдоль плинтусов, мягкая, приглушённая. В шкафах – светодиодные ленты, которые зажигались, когда я проходил мимо. Везде был свет. Он не спрашивал, нужен ли он. Он просто был.

Я подошёл к окну, встал на задние лапы. За окном темно, а в комнате было светло, как днём. Я посмотрел на потолок – там горели лампы, и они не собирались выключаться. Умный дом знал, что я здесь. Он освещал мне путь, куда бы я ни пошёл.

Я пошёл в коридор.

Коридор был квадратным, светлым, с тем же каменным полом, который притворялся деревом. Вдоль стены стоял шкаф – высокий, белый, с большими дверцами под потолок. Чёрные ручки блестели в свете ламп. Я подошёл, понюхал. Пахло деревом и лаком. Я потрогал дверцу лапой – она не открылась. Я пошёл дальше.

Три двери. Первая – в ванную. Я зашёл.

Ванная была большой. Гораздо больше, чем в Казани. Стены и пол были из того же камня, что и в коридоре – холодного, гладкого, серого. Но здесь к серому добавился чёрный. Чёрные краны, чёрные ручки, чёрная рама душевой кабины. Всё было строгим, чётким, без единой тёплой детали. Ванна стояла у стены, белая, глубокая. Раковина – большая,

с высоким чёрным краном. Унитаз – новый, блестящий. И лоток. Мой лоток.

Я подбежал к нему. Он стоял в углу, на каменном полу, и в нём был мой наполнитель. Тот самый, из Казани. Я втянул носом воздух – он пах так же. Знакомо, родно, как дома. Я сел в лоток, сделал свои дела, старательно закопал. Потом вышел и посмотрел на ванную. Она была красивой. Но чужой.

Свет горел и здесь. Под потолком, над раковиной, над ванной. Везде. Я не мог спрятаться от него.

Вторая дверь вела в спальню. Я заглянул.

Спальня была большой, светлой, с окном во двор. Стены – светло-серые, такие же, как в гостиной. Чёрные батареи под окном, чёрные розетки у кровати. Посередине стояла кровать – огромная, с высоким изголовьем, покрытая новым одеялом. Вдоль стены – шкаф, белый, до потолка, с чёрными ручками. Напротив кровати – телевизор, поменьше, чем в гостиной, но тоже большой. Всё было новым, чистым, аккуратным. Слишком аккуратным. Я подошёл к кровати, понюхал одеяло. Пахло тканью, магазином, ничем. Не Иваном. Я отошёл.

Свет горел и здесь. В потолке, в шкафу, у изголовья. Он был везде.

Третья дверь была приоткрыта. Я просунул голову и увидел кабинет.

Это была маленькая комната. В ней стоял стол – един-

ственное дерево в этой квартире. Настоящее дерево, тёмное, с прожилками, пахнущее смолой и чем-то старым. Я подошёл, потрогал лапой. Стол был тёплым, живым. Не таким, как камень и пластик вокруг. Рядом стояло кресло – кожаное, чёрное, большое. Чёрные батареи под окном, чёрные розетки на стенах. Свет горел над столом, под потолком, у двери. Я запрыгнул на кресло. Кожа была холодной, скользкой, не такой, как ткань дивана. Я посидел, спрыгнул.

В кабинете больше ничего не было. Только стол, кресло и пустые стены. Я обошёл его, понюхал углы. Пахло деревом, кожей и пустотой.

Я вышел в коридор и остановился.

Всё было не так. Слишком чисто, слишком ново, слишком... стерильно, что ли. Свет был везде, и он не оставлял теней. Чёрные ручки смотрели на меня из каждого угла, холодные, блестящие. Каменные полы были холодными под лапами, даже если казались деревом. В Казани у нас были старые стены, старый паркет, запахи, которые накопились за годы. Здесь ничего не было. Ни запахов, ни историй, ни жизни. Только камень, стекло, свет.

Я услышал звук. Тихий, жужжащий. Я обернулся.

Из шкафа в коридоре выехала круглая чёрная штука. Это был новый робот-пылесос. Он был больше Робби. Гораздо больше. Чёрный, блестящий, он сливался с тенями, которых здесь почти не было. Он двигался быстро, уверенно, как будто знал, куда ехать. Он выехал из шкафа, остановился, будто

принюхиваясь, и покатился по коридору.

Я следил за ним из-за угла. Он не стучался о стены, как Робби. Он объезжал их, подстраивался, рассчитывал траекторию. Он заехал в гостиную, обогнул диван, заглянул под кресло, выехал обратно. Потом он заехал на кухню, проехал вокруг стола, остановился у моей миски, постоял и поехал дальше.

Я пошёл за ним. На расстоянии, осторожно. Он заехал в кабинет, объехал стол, остановился у кресла, потом выехал. Заехал в спальню, проехал вокруг кровати, выехал. Потом вернулся в коридор, заехал в шкаф, и дверца закрылась сама.

Я сел перед шкафом, смотрел на закрытую дверцу. Это был новый Робби. Он был умнее, быстрее, он прятался в шкафу и выезжал сам, когда считал нужным. Я не знал, нравится мне это или нет. Он был чёрным, как ручки, как батареи, как камин. Он был частью этого дома.

Я потрогал дверцу лапой. Она не открылась. Я потрогал сильнее – не открылась. Я зашипел на шкаф.

– Это новый робот-пылесос, – сказал Иван, выходя из спальни. – Он сам выезжает по расписанию. Не надо его бояться.

Я не боялся. Я просто не доверял ему. Как не доверял этому дому, этому свету, этим чёрным ручкам.

Иван улыбнулся, почесал меня за ухом. Я позволил. Потом он ушёл на кухню, и я продолжил исследование.

Я обошёл квартиру ещё раз. Каждую комнату, каждый

угол, каждую щель. Я запоминал, где что стоит, где пахнет чем, куда можно забиться, если будет страшно. Я нашёл несколько хороших мест: под диваном в гостиной, за креслом в кабинете, под столом на кухне. Но везде был свет. Даже под диваном горели светодиодные ленты вдоль плинтусов, и я не мог спрятаться в полной темноте.

Я проверил, как открываются шкафы (некоторые открывались легко, другие – нет), как работают краны (вода была холодной и горячей), как зажигается свет (датчики срабатывали, когда я проходил мимо, но лампы не выключались до конца, оставляя приглушённый свет по углам). Умный дом был везде. Он знал, где я. Он знал, что я делаю. Он знал всё.

Я подошёл к камину под телевизором, понюхал его. Металл, пластик, провода. Я потрогал кнопку лапой – зажглись красные огоньки, затанцевали внутри чёрной коробки. Я отскочил. Камин был живым. Или ему казалось.

– Это электрический камин, – сказал Иван, выходя из кухни. – Он греет. Но не обжигает. Можешь не бояться.

Я не боялся. Я просто не понимал, зачем он здесь, в этом доме, где всё было холодным и гладким.

День тянулся медленно. Иван разбирал вещи, я ходил за ним, смотрел, как он раскладывает одежду в шкафы, ставит книги на полки, вешает картины на стены. Картины были новыми, не теми, что висели в Казани. Я их не знал. На одной была лодка на море, на другой – старый город с узкими улицами. Я смотрел на них и не узнавал.

К вечеру я устал. Я обошёл новую квартиру сто раз, наверное. Я знал каждый угол, каждый запах, каждый звук. Но я не чувствовал себя дома. Я чувствовал себя гостем. Чужим в чужом месте, где свет не гаснет, а чёрные ручки смотрят на тебя из каждого угла.

Иван приготовил ужин. На кухне запахло курицей, и я пришёл, сел у его ног. Он нарезал мне кусочки, поставил миску. Я ел, он стоял у окна, смотрел на улицу. Чёрная столешница блестела под светом ламп, чёрные ручки шкафчиков отражали моё отражение.

– Нравится? – спросил он.

Я не ответил. Я ел и смотрел на новый стол, на новые стулья, на новый пол, который казался деревом, но был камнем. Всё было чужим.

После ужина он сел на диван, включил телевизор. Я запрыгнул к нему на колени. Диван был мягким, но пах чужим. Я свернулся клубком, закрыл глаза. Телевизор гудел, Иван дышал ровно, его рука гладила меня. Это было хорошо. Это было как дома.

Но когда я открывал глаза, я видел чужую комнату, чужой свет, чужой потолок. И каждый раз внутри меня всё сжималось.

– Пойдём спать, – сказал Иван, выключая телевизор.

Мы пошли в спальню. Он лёг на кровать, я запрыгнул к нему. Но я не лёг, как обычно, у него на груди. Я сел в ногах, смотрел на него.

– Что, не спится? – спросил он.

Я не ответил. Я сидел и смотрел. Он закрыл глаза, и через несколько минут его дыхание стало ровным, глубоким. Он уснул.

А я не мог.

Я сидел в ногах кровати и смотрел на него. Он спал, как будто ничего не случилось. Как будто мы не уехали из нашего дома. Как будто Люба была жива. Как будто всё было по-прежнему.

Я смотрел на него, и мне было страшно. Я боялся, что если я засну, то проснусь в этом чужом доме и не узнаю его. Я боялся, что привыкну к этим стенам, к этому полу, к этому свету. Я боялся, что забуду, как пахла наша квартира в Казани.

Свет горел в коридоре, пробиваясь под дверь. Умный дом не выключал его до конца – всегда оставлял приглушённую подсветку. Я не мог спрятаться в темноте. Её здесь не было.

Я сидел и смотрел. Луна светила в окно, отбрасывая серебристые полосы на пол. Чёрные батареи под окном блестели в лунном свете. Всё было таким же, как днём, только тише.

Через час я переполз ближе. Лёг у его ног, но не уснул. Ещё через час я переполз к нему на грудь. Он не проснулся, его рука легла на мою спину сама, по привычке.

Я лежал, слушал его сердце. Оно билось ровно, спокойно. Он был здесь. Он был со мной.

Я закрыл глаза. Свет пробивался сквозь веки, розовый, тёплый. Я всё ещё был в чужом доме. Но он был рядом. И, может быть, этого было достаточно.

Глава 6. Новый день

Я проснулся от того, что шторы начали открываться.

Это было неожиданно. В Казани жалюзи поднимались сами, но делали это тихо, плавно, почти незаметно. Здесь же шторы двигались с лёгким шорохом, и этот звук вырвал меня из сна. Я открыл глаза и увидел, как плотная ткань медленно ползёт в стороны, открывая окно. Сначала появилась тонкая полоска света, потом она расширилась, и в комнату хлынуло солнце.

Оно было другим, чем в Казани. Не жёлтым, не ослепительным, а мягким, золотистым, оно заполняло комнату медленно, как будто не торопилось. Лучи скользили по стенам, по полу, по кровати, и комната оживала. Светлые стены стали теплее, чёрные ручки засверкали, каменный пол заиграл оттенками, которых я не замечал вчера. Комната дышала. Она просыпалась.

Я сидел на кровати, шурился от света и смотрел, как тени бегут по стенам, как солнечные зайчики прыгают на одеяле. Это было красиво. Не так, как дома, но красиво. Я потянулся, выпустил когти, зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть. Хорошо. Несмотря на то, что я спал в чужом доме, на чужой кровати, пахнувшей незнакомой тканью, я выспал-

ся. Может быть, потому что Иван был рядом. Может быть, потому что я слишком устал от перелёта и новых впечатлений. А может быть, потому что этот дом, несмотря на всю свою чужеродность, не хотел мне зла.

Иван зашевелился. Он потянулся, зевнул, открыл глаза. Я ждал, что он скажет что-то привычное, как в Казани: «Живой», или «Ну что, лев?», или хотя бы «Доброе утро». Но он только посмотрел на меня мутным спросонья взглядом и пробормотал что-то неразборчивое. Я забеспокоился. Что с ним? Не заболел ли? Я ткнул его лапой в щёку. Он не отреагировал. Я ткнул сильнее. Тогда он улыбнулся, схватил меня, прижал к груди.

– Доброе утро, – сказал он.

Я вырвался, спрыгнул с кровати. Хватит нежностей. Я голоден.

И тут телевизор ответил.

Я подпрыгнул. Голос был спокойным, ровным, он шёл откуда-то сверху, из динамиков, встроенных в потолок. Я задрал голову, пытаясь разглядеть, кто там прячется. Никого. Только маленькие круглые решётки, из которых лился звук.

– Доброе утро, Иван. Сегодня 18 градусов, небольшая облачность. Ваш план на день: свободное время.

Я замер. Телевизор не был включён. Экран оставался тёмным. Я проверил – подошёл, потрогал его лапой. Холодный. Тёмный. Молчаливый. Но голос был. И он знал, какой сегодня день, и знал, какая погода, и знал, что у Ивана нет пла-

нов. Я посмотрел на потолок, откуда шёл звук, потом на Ивана.

– Умный дом, – сказал он, заметив мой взгляд. – Привыкай.

Привыкай. Легко ему говорить. Я привык к тому, что в Казани умный дом включал свет, когда я ходил по коридору, и опускал жалюзи, когда солнце начинало слепить. Но он не разговаривал. Он не называл меня по имени. Он не знал, какая погода, и уж точно не интересовался планами Ивана. А этот... этот знал всё. И говорил. Я смотрел на потолок, на решётки динамиков, и мне казалось, что они смотрят на меня. Сверху. Всевидящим взглядом.

Потом заиграла музыка. Она была нежной, тихой, она лилась откуда-то сверху, заполняя комнату. Я не знал этой мелодии, но она была спокойной, уютной, она не пугала, а скорее успокаивала. Я перестал дрожать и сел на кровати, слушая. Музыка напоминала мне что-то. Может быть, как Иван напевал под нос, когда готовил завтрак. Может быть, как ветер шумел в ветвях за окном. Может быть, как Люба включала телевизор по вечерам, когда вязала. Что-то знакомое, родное, даже здесь, в этом чужом доме.

Иван встал, потянулся ещё раз и пошёл к двери. Я спрыгнул с кровати и побежал за ним. Я не хотел оставаться один. Не в этом доме, не в этой комнате, где всё было чужим. Я шёл за ним, касаясь его ноги носом, чтобы не потерять. Нос – это надёжный инструмент. Глаза могут обмануть, уши –

тоже, но нос никогда. А нос говорил мне: Иван здесь, Иван рядом, Иван не ушёл.

Он вышел в коридор, я за ним. Потом на кухню. Я бежал так быстро, что лапы скользили по каменному полу, и я влетел в дверной косяк, отскочил, но не упал. Иван обернулся, посмотрел на меня, усмехнулся.

– Торопишься?

Я торопился. Я хотел есть. И я хотел быть рядом с ним. Это были две главные цели моей жизни в данный момент.

Он остановился, обернулся, посмотрел на меня сверху вниз. Я смотрел на него снизу вверх. Мы смотрели друг на друга, и я знал, что он понимает. Он всегда понимает.

– Ну что, хвостик, – сказал он. – Сначала умыться или тебя накормить?

Я замяукал. Я хотел есть, но я не хотел оставаться один. Если он пойдёт умыться, я останусь здесь, на кухне, один, в этой чужой комнате, где всё блестит и сверкает, и даже моё отражение в чёрной столешнице смотрит на меня чужими глазами. Я замяукал громче, требовательнее. Нет, не уходи! Сначала еда!

– Понял, – сказал он. – Сначала кормить.

Мы зашли в гостиную. Здесь уже кипела жизнь. Из колонок, встроенных в потолок, лилась музыка – не та, нежная, что играла в спальне, а другая, более энергичная, ритмичная. Свет горел ровно, умный дом уже настроил освещение под новый день. Камин под телевизором тихо потрескивал

– я вздрогнул, когда услышал этот звук, но огонь был ненастоящим, красные ленточки танцевали за стеклом, и это было красиво. Я подошёл, понюхал. Пахло пылью и электричеством. Ни тепла, ни дыма. Фальшивка. Но красивая.

Иван подошёл к кухонной стойке, и я за ним. Он что-то нажал, и машина, стоящая на столе, зажурчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.